

Ирина Петрова

ВИДЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Об одной встрече с крымскими мустангами

Санкт-Петербург
2002

Ирина Петрова.

Видение длиною в жизнь. Об одной встрече с крымскими мустангами - СПб., 2002. - 16 с.

Короткий рассказ о встрече весной 1973 года в горах Крыма табуна диких лошадей и подборка отрывков из произведений российских литераторов, путешествовавших по горным крымским дорогам с конца XVIII до середины века XIX и создавших этому умному животному настоящий хвалебный гимн.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Другие произведения И.И.Петровой размещены и постоянно обновляются по адресу:

<http://ii.petrova.narod.ru/>

Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:
vnptr@mail.ru или ii.petrova@narod.ru

Не грезил я, о нет, ведь наяву то было...

С.Сафонов

В последние четверть века не раз встречались нам, мне и моему сыну Василию, публикации о диких лошадях, живущих в Крымских горах после Великой отечественной. Это могли быть и “военные” (советские, немецкие), и местные лошади, оставшиеся без хозяев после депортации татар, болгар, греков. Безусловно, вторым легче было приспособиться: ведь это была их земля, их горы. К тому ж, в них могла течь очень древняя кровь... Последнее упоминание о них встретили в “Крымском альбоме 1997”, в заключительной зарисовке его вдохновителя, составителя и издателя Дмитрия Лосева:

На плато Караби-Яйла, одном из самых экзотических мест в Крыму, с обрывов на десятки километров видно морское побережье от Алушты до Судака. Там летают необыкновенные бабочки и пасутся стада диких лошадей.

И вновь во всех подробностях ожива никогда не забываемая встреча, и мы говорим друг другу: «А помнишь?..».

Весной 1973 года приехали мы в Севастополь на весенние школьные каникулы (Василию было тогда 16). Имея прочные Севастопольские корни, мы совершали такие поездки почти ежегодно и неплохо знали окрестности. Село Родниковское, бывшая Скеля, в углу Байдарской долины, в верховьях Черной речки было одно из наших любимых мест. Очарованные прекрасной погодой, мы решили в последний день пребывания совершить маршрут, о котором давно мечтали: пройти на Южной берег из Скели через яйлу по Чертовой лестнице. Кто только не проехал тут конной дорогой в первой половине XIX века: Пушкин и Грибоедов, Жуковский и Мицкевич и многие еще. Выйдя из автобуса в центре села, мы пошли дорогой вдоль Черной. Сквозь подернутые светлой зеленой дымкой кусты

струилась и серебрилась река в лучшую пору своей переменчивой жизни. Медленное недавнее таяние снега давало ей соки, но не мутило воду, как это делают ливневые осенние дожди.

Вот и поворот к Скельской пещере. Постояв у ее входа, поднялись ранее разведанной тропой на старую дорогу и пошли по ней. Тогда мы не знали, что проход через Чертову лестницу (“Шайтан-Мердвень”) сделали в I веке римляне, контролировавшие побережье, имевшие опорные пункты в Балаклаве и Ай-Тодоре. Но качество дороги, имевшей постоянную ширину и подпорную стенку, навевало мысль, что она “сработана рабами Рима”. Хорошо идется, красота вокруг: под ногами цветут фиалки и примулы, кусты кизила - в желтом пуху. А вот уже большой, буковый лес нас объял. При входе в него наша дорога как бы влилась в невесть откуда взявшуюся современную, грунтовую. Василий заметил отворот вправо, но, видя, как его мать без остановки пошла вперед, решил, что ей дорога известна. А она, эта дорога, повела нас в противоположную сторону, на северо-восток. Лес все выше и сумрачнее. Под ногами уже не цветы, а пятна снега. Василий совершенно разумно предложил вернуться, но мать словно ее воздух околдовал, не согласилась. Сырой туман вокруг, холодновато. “Ну что же мы хотим, - говорим мы друг другу, - ведь весна, а тут и летом не такое бывает; помнишь как в прошлом году?”.

А в прошлом, 1972-м, в начале июля, мы из того же Родниковского по той же дороге вдоль Черной речки двинулись втроем (мы и глава нашего семейства Н.Н.Петров) в небольшой и, как казалось несложный поход с намерением, выйдя на Ай-Петринскую яйлу, спуститься в долину к Большому каньону. В Севастополе погода была отличной, поэтому мы выехали дневным автобусом налегке, прихватив пару байковых одеял и кусок полиэтилена вместо палатки. Первый ночлег устроили у берега Черной недалеко от Скельской пещеры, и оказалось, что ночь

холодна: ноги мерзли даже в ботинках с шерстяными носками. На утро, не смутившись тучами над горами, пошли дальше. Вот селение Колхозное, дорога идет дальше — прекрасно! Но она оказалась лесовозной, и на одной из лесных полян (а лес уже высокий) кончилась. Нашли тропу, пошли по ней, но и она кончилась. А мы между тем поднялись к облакам (или они опустились?). Решили лезть вверх без тропы и забрались в такие дебри, куда “не ступала нога человека”, зато повсюду были видны результаты работы кабаньих семейств: следы копыт, изрытая земля. Влажность такая, что не идем, а как бы плывем при отсутствии видимости. А тут и сумерки наступили, одежда сырая, проголодались. Решили организовывать бивак. Нашли сносную площадочку для “палатки”, расчистили место для костра. Но где взять сухие дрова? Сказался опыт нашего “старшего”. Он развел сначала маленький костерок, потом, подсушивая дровишки вокруг, увеличил его. И вот уже пламя обрело силу, но и дрова пригодные кончились. Так что же делали наши мужчины? Они брали полусгнившие валяющиеся стволы, напитанные влагой, и, ухватившись за концы, отжимали их так, как отжимали (выкручивали) раньше простыни после полоскания, а я смотрела как течет вода. Такие вот “подсушенные” ставили торчком над огнем. От них шел пар, но потом они загорались. К ночи пламя было в наш рост. Трудный, но незабываемый вечер! Наутро мы вскоре добрались до яйлы, где светило солнце. Ясно было над морем, но зато над Каньоном, над Соколиным было черно. Пришлось идти в Ялту.

Но а ныне идем дальше. Обилие влаги в воздухе делает все безмолвным и сумрачным. Видим вправо по ходу большую карстовую впадину, заполненную стоящими и поваленными деревьями. Между ними какие-то темные глыбы. Подойдя ближе, замечаем, что глыбы шевелятся. Кто это: дикие кабаны, те самые, которых мы только что вспоминали, а, может, олени или коровы, тогда так нужный нам сейчас знающий человек может быть с

ними? Обмениваемся догадками и... выдаем себя. И тут происходит чудо: животные, стоящие вблизи верха котловины, истаивают мгновенно, а находившиеся внизу, совершенно беззвучно делают два-три прыжка и также исчезают. Но во время этих прыжков мы успеваем разглядеть их развевающиеся хвосты и конские гривы! Стоим ошеломленные, потом подходим к впадине. Она завалена не только деревьями, но и известняковыми глыбами. Непонятно, как там стоять лошадям, не то чтобы бесшумно скакать!

Дальнейший путь шел в потрясенном состоянии, хотя нельзя было расслабляться: солнце уже к западу клонилось. На Яйлу вышли где-то над Кастрополем. Снег лежал лишь в воронках и расщелинах, пионы цвели, вид потрясающий. Пошли без остановки на юго-запад и к Лестнице подошли уже в сумерках. Свет фар автомашин, идущих на Байдарский перевал, освещал нам последние ее циклопические Ступени. Одна из них взяла нас в Севастополь...

Так кого же мы встретили, кто был нам подарен? Ясно, что это не домашние животные, рассуждали мы. Первый ответ пришел через два года, когда в "Литературной газете" было напечатано стихотворение известнейшего тогда поэта Андрея Вознесенского "Мустанги". Поэт снабдил его пояснением, в котором поведал, что толчком к рождению стиха послужил поразивший его рассказ крымского охотоведа о стадах одичавших после войны лошадей. Так вот кого мы повстречали! Теперь представляете, каково было наше, видевших их воочию, потрясение, если даже рассказ заставил "думать стихами", как писал Пушкин, взволнованный видами Георгиевского монастыря, расположенного на той же горной гряде вблизи Севастополя! В 1984-м в вышедшее в Москве трехтомное Собрание сочинений Вознесенский поместил этот стих под названием "Табуны одичания". Не нам судить, как лучше; вот оно (в сокращении):

А. Вознесенский

ТАБУНЫ ОДИЧАНИЯ

Столбенею на мазутном полустанке.
К Севастополю несутся табуны —
Мустанги,
одичавшие после войны.

Одичавший жеребец, чей дед контужен,
ну а бабушка гнедая оккупантка,
племенных кобыл уводит из конюшен!
Ну, мустанги!..

Одичали под чаирами ничейными
и шиповниками стали розы чайные.
Одновременно с приручением
происходит рост одичания...

А у чалого мустанга жизнь отчаянна,
как прокормишься под вьюгами крещенскими?
приручение-одичание —
истребление — воскрешение.

Милый, милый смешной дуралей,
паровоз допотопный кончится,
оказалась его удалей
первозданная мустанговая конница!

Их отстреливают охотники
ради конской колбасы воровато.
Не хватает сейчас Дон-Кихотов,
замещают их Россинанты.

Пейте крымское шампанское —
игристое, мускатное!
Не бейте крымских мустангов.
Скачите, мустанги!

«ГИМН» ГОРНОМУ КОНЮ КРЫМСКОМУ

Как конь ступает осторожно...

А.К.Толстой («Крымские очерки»)

В последние годы, увлекшись темой "Крым в зеркале российской словесности", обнаружили, с каким уважением относились к крымской лошади, "родословная" которой восходит к древности, к скифам и сарматам (где-то в Причерноморье скакали на своих конях и легендарные амазонки!), русские литераторы, путешествовавшие по горным крымским дорогам с конца XVIII века и создавшие этому умному животному настоящий хвалебный гимн, который и предлагаем вниманию нашего читателя.

П.И.СУМАРОКОВ (?-1846)

Из книги «Досуги крымского судьи», (СПб.,1804):

За Мшаткою остается в левой руке при деревне Мердвень необыкновенный памятник древности, искусно иссеченная по чрезмерной каменной громаде лестница. Она начиналась от самого хребта горы, извивается ступенями вокруг пропастей по скалам... Дорога идет странная и опасная, обрушение великого пространства земли составило между двух ужасных пропастей гряду, по гребню которой пролегает стезя не шире полуаршина, так что ноги коня едва ней помещаются. Мы при самом вступлении спешили и робкими мелкими шагами лепясь по истинному пути, не смели взглянуть ни на ту, ни на другую сторону.

С.С.БОБРОВ (1763?-1810)

Из лирико-эпического песнопения «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонесе» (1798):

Не видно никаких стезей
По тем ужасным кривизнам¹,
Кроме следов коней сарматских,
Которые одни умеют
Пробраться равно-весным шагом
По тем ужасным крутизнам...

И.М.МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ (1765—1851)

Из труда «Путешествие по Тавриде в 1820 году», (СПб., 1823):

Из письма XIV. Все было изрядно до небольшого селения Семейса, но от него начался ужасный спуск... Сколько я ни нагляделся на пропасти, сколько ни уверовал в надежности татарских лошадей, не менее того сердце мое содрогалось от ужаса, когда случалось, что коню моему надобно было переступить с камня на камень над самой стремниной... Особливо и выше всякого описания ужасен угол каменной горы, который объезжается у самого моря. Скала на скале заграждает путь, страшные их обломки висят над головою... Лошадь от страха останавливается, озирает..., иногда, не находя способа идти, слагает накрест передние ноги, садится на задние и съезжает под гору. Здесь место усеяно мелкими камнями, катящимися на каждом шаге трепетно спускающегося коня...

Из письма XV. Верстах в трех от Кикинейса я проезжал через место, которое в 1786 году раступившись сдвинулось к морю... Подъехав к оному, мы с полчаса дали отдохнуть лошадям, потому что находились у подножия Мердвеня, т.е. лестницы. Это в точном смысле лестница, витая, почти по отвесу проложенная в расщелине горы и ведущая от подножия скалы до вершины оной. Тесные, между огромных камней, обороты, в которых лошадь должна вдвое изгибаться, дабы переступить с высокой ступени на другую, делают спуск по лестнице сей на лошади не только опасным, но и невозможным, почему путешественники и даже татары сходят по ней пешком. Подъем же на нее, хотя и труден, но возможен, что я и сам узнал на опыте: лошадь моя, отдохнув немного, как я выше сказал, бодро и не останавливаясь вынесла меня на верх Мердвеня...

А.С.ПУШКИН (1799–1837)

Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным восточным обрядом.

«Отрывок из письма к Д.», 1825

Из поэмы «Бахчисарайский фонтан», 1823:

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Всё чувство путника манит,
Когда в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага²...

Адам МИЦКЕВИЧ (1798–1855)

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ В ЧУФУТ-КАЛЕ

Мирза и Пилигрим

Мирза:

Молись! Поводья кинь! Смотри на лес, на тучи,
Но не в провал! Здесь конь разумней седока.

Он глазом крутизну измерил для прыжка
И стал, и пробует копытом склон сыпучий.

Вот прыгнул. Не гляди! Во тьму потянет с кручи!

Как древний Аль-Каир тут бездна глубока.

И рук не простирай — ведь не крыло рука

И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

Как якорь мысль твоя стремглав пойдет ко дну.

Но дна не достигнет, и хаос довременный

Поглотит якорь твой и челн затащит вслед.

Пилигрим:

А я глядел, Мирза! Но лишь гробам шепну,

Что различал мой взор сквозь трещину вселенной

На языке живых - и слов подобных нет.

перевод В. Левика

А.Н.МУРАВЬЕВ (1806-1874)

Из поэмы «ТАВРИДА». 1827

АЛУПКА

Уединенная виется
По теме синих гор стезя,
Неутомимый конь несется,
Ногою легкою скользя
По светлым камням, то — в долины
Сбегает быстрою стопой,
То синих вод следит пучины,
И моря шумного волной.
Отлогий берег заливая, -
Отважного не утратить.
В песке следов не оставляя,
Он вдоль поморий бежит.
И снова на горы несется,
Летит — как из лука стрела,
Над бездной сердце в нем не бьется,
Очей не закрывает мгла...

МЕРДВЕНЬ

Где ветерок прохладный веет,
Полдневный освежая зной,
И сердце путника лелеет
Какой-то негой неземной?..
Глубокий лес передо мною,
И позади лишь ветра свист, -
Мой конь бежит глухой стезею
И хрупкий поминает лист;
Беги, беги, мой конь ретивый,
Чтобы я ветры обегал,
Обрадуй дух нетерпеливый.
Беги, лети - о конь, ты стал?

А.И.ПОДОЛИНСКИЙ (1806–1886)

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ЯЙЛУ, 1837

Посвящается памяти А.С.Пушкина.

Путешественник:

Упрямое животное, твой конь.

Не сладить с ним ни ласкою, ни плетью...

Проводник (старый татарин):

Конь хоть куда, а сам ты виноват...

Вот видишь, ты поводья натянул,

А горец мой привык идти на воле,

Ведь и коню мила его свобода.

Попробуй — брось поводья, - будет мир!..

Теперь сиди спокойно: добрый конь,

Я голову отдам, не спотыкнется,

На ногу верен, чуток на опасность,

Для седока надежный он слуга.

Случалось мне, в глухую ночь не раз

В Бахчисарай проездом из Гурзуфа

Спускались мы по этой же тропинке, -

Я сплю себе, качаюся, как в люльке,

А он идет усердно подо мной,

На скалы с скал ступает осторожно

И бережет и жизнь мою, и сон...

Немного мне твоих единокровных

Случилось знать в судьбе моей убогой,

Но одного я помню;

Он жил тогда в Юрзуфе, и меня

Он жаловал и брал проводником;

Бывало с ним в такую глушь заедем,

Что мудрено и птице залететь;

Зато тебе и не приснятся виды,

Какие нам встречались порой...

В.Г.БЕНЕДИКТОВ (1807-1873)

Из цикла «В КРЫМУ»³

Кипело море млечной пеной,
Татарский конь по берегу мчал
Меня к обрывам грозных скал
Меж Симеисом и Лименой.
И вот они передо мной
Зубчатой высятся преградой.
На камне камень вековой,
Стена задвинута стеной,
Громада стиснута громадой,
Скала задавлена скалой...

И поперек путь узкий мой
Вдруг перехвачен — нет дороги!
Свернись, мой конь, ползи змеей,
Стели раскидистые ноги
Иль в камень их вонзай! Идет,
Подковы даром не иступит,
Опасный встретив переход,
Он станет, оком поведет,
Подумает и переступит.
И по осколкам роковым,
В скалах, чрез их нависший купол
Копытом чутким он своим
Дорогу верную ощупал.
Уже скалы я миновал,
С конем разумным мы летели,
Эвксин ревел, валы белели,
И гром над бездной рокотал.

И.С.АКСАКОВ (1823-1886)

Из письма родным 1 сентября 1856 г., Симферополь⁴.

Особенно хороши горные лошади крымские: езда на них безопасна по горам. Страшно взглянуть вниз, когда приходится спускаться со скалы почти отвесной над самым морем по узенькой тропинке, с которой при каждом шаге катятся вниз камни и которую местами заменяет русло горного ручья; татарская лошадь дрожит, но цепко, осторожно, верно спускается. Просто чудо!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отрывок посвящен подъему на Инкерманскую скалу вблизи Севастополя, где поэт служил переводчиком Морского ведомства.
2. Этот финальный отрывок из поэмы - воспоминание поэта о поездках из Гурзуфа, где он в 1820 году прожил три недели, в имение Бороздиных Кчук-Ламбат к северу от Аю-Дага.
3. Поэт и крупный государственный чиновник, он объехал Южный берег в 1839 году по государственной надобности, что не помешало создать обширный стихотворный цикл, где мы вновь встречаемся со сложностями преодоления пути на юг от Симеиза по побережью "Эвксина". Здесь хвала коню выражена особенно отчетливо.
4. Младший сын писателя С.Т.Аксакова, сам поэт и общественный деятель И.С. Аксаков объездил Крым в 1856 году по окончании Крымской войны, как член Комиссии по выявлению огромных злоупотреблений в интендантских частях русской армии.

Ирина Ильинична Петрова — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг «По Крыму - Пушкину вослед» (1996), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе - наследство» (2001), а также очерков и рассказов. Автор ряда публикации в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя». Автор книги о многочисленных горных путешествиях «Петровские тропы» (2002).

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.